

КОНЦЕПЦИИ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

УДК 821.161.1-31(Достоевский Ф. М.):821.161.1-2(Тургенев И. С). ББК Ш33(2Рос=Рус)5-44.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.01 (5.9.1)

«Я ТАК ЖЕ БЕДЕН, КАК ОН»: МОТИВЫ РАННЕГО Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В КОМЕДИИ И. С. ТУРГЕНЕВА «ХОЛОСТЯК»

Беляева И. А.

Московский городской педагогический университет

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2840-4034>

А н н о т а ц и я. В статье исследуется характер влияния sentimentalного натурализма, или «школы молодого Достоевского», на творчество раннего Тургенева. Предметом исследования являются два текста – центральный для русской литературы 1840-х годов роман Достоевского «Бедные люди» и комедия Тургенева «Холостяк», а объектом – прежде всего переключки в сюжетах этих двух сочинений, отсылки к сюжетным ситуациям и персонажам-амплуа (например, злодей, литератор и др.) из романа Достоевского в пьесе Тургенева, а также значимые, явные для читателя (зрителя) отступления в тексте «Холостяка» от канвы «Бедных людей» Достоевского. Несмотря на давнюю традицию в науке считать раннего Тургенева зависимым от стилистических решений и гуманистических проблем, которые актуализировал Достоевский в своем первом романе, ставшем событием для современников, характер тургеневского «ученичества» в «школе молодого Достоевского» и собственно его работа с узнаваемыми элементами текста «Бедных людей» в его ранних сочинениях детально не изучались, что обусловило целенаправленное исследование настоящей статьи. В статье выявляются переключки в двух текстах, обусловленные единством сюжета о бедном влюбленном чиновнике, который разрабатывается в «Бедных людях» у Достоевского и в «Холостяке» у Тургенева, и анализируется характер трансформаций, которые этот сюжет приобретает в тургеневской комедии. Автор статьи выдвигает гипотезу, согласно которой отсылки к тематике русского sentimentalного натурализма 1840-х годов и прежде всего к «Бедным людям» Достоевского как к центральному сочинению этой школы в «Холостяке» выполняют функцию художественного приема. Он заключается в том, что литературный претекст (в том числе стилистически акцентированный, как в случае с «Бедными людьми» в «Холостяке») должен непременно считываться зрителями с тем, чтобы они увидели иные, вариативные разрешения знакомой им из прецедентного текста сюжетной ситуации или мотива. История о том, как бедный чиновник женился на благодетельствованной им девушке, которую Достоевский разрешает в «Бедных людях» драматически (если не трагически), Тургенев в «Холостяке» разворачивает иначе – в другой модальности и как будто бы менее драматично, чем предшественник. Между тем текст Достоевского начинает особым образом «работать» в пьесе Тургенева, осложняя ее внешнюю простоту. Из простого анекдота о влюбленном чиновнике со счастливым концом она трансформируется в сложное драматургическое повествование о причудливости человеческого счастья, о загадке любви и благодарности, о бедности, которая имеет не только социальные, но и нравственные координаты. И без учета событийности и проблематики «Бедных людей» Достоевского Тургеневу было бы сложно этого добиться. В статье высказывается также мысль о том, что тактика работы Тургенева в «Холостяке» с текстом романа Достоевского не была единичной для него, а отличала в целом поэтику его произведений 1840-х годов и была следствием сознательной писательской стратегии.

Ключевые слова: драматургия; русская литература; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; романы; комедии; литературные мотивы; художественные тексты

Для цитирования: Беляева, И. А. «Я так же беден, как он»: мотивы раннего Ф. М. Достоевского в комедии И. С. Тургенева «Холостяк» / И. А. Беляева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Том 27, № 2. – С. 9–18.

“I’M AS POOR AS HE”: THE MOTIFS OF THE EARLY F. M. DOSTOEVSKY IN I. S. TURGENEV’S COMEDY “BACHELOR”

Irina A. Belyaeva

Moscow City Pedagogical University

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2840-4034>

Abstract. The article investigates the nature of the influence of sentimental naturalism, or the “school of the young Dostoevsky” on the work of early Turgenev. The object of the study includes two texts – Dostoevsky’s novel “Poor Folk”, the central novel in the Russian literature of the 1840s, and Turgenev’s comedy “The Bachelor”. The study focuses, first of all, on the similarities in the plots of these two works of literature, and the references to plot situations and character parts (for example, villain, writer, etc.) from Dostoevsky’s novel in Turgenev’s play, as well as significant, obvious for the reader (viewer) deviations in “The Bachelor” from the canvas of Dostoevsky’s “Poor Folk”. Despite the long tradition in literary criticism to consider early Turgenev dependent on stylistic solutions and humanistic problems that Dostoevsky actualized in his first novel, which became a marked event for his contemporaries, the nature of Turgenev’s “apprenticeship” at the “school of the young Dostoevsky” and his own work with recognizable elements from “Poor Folk” in his early writings has not been studied in detail yet, which stimulated the work on this article. The article reveals the similarities in these two texts, stemming from the unity of the plot about a poor official in love, which is developed in Dostoevsky’s “Poor Folk” and Turgenev’s “The Bachelor”, and analyzes the nature of the transformations that this plot acquires in Turgenev’s comedy. The author of the article puts forward a hypothesis according to which the references to the theme of Russian sentimental naturalism of the 1840s and, first of all, to Dostoevsky’s “Poor Folk” as the central work of this school, perform the function of an artistic device in “The Bachelor”. This device consists in the fact that the literary pretext (including stylistically accentuated, as in the case of “Poor Folk” in “The Bachelor”) must certainly be read by the audience so that they see other, variant resolutions of the plot situation or motif familiar to them from the precedent text. The story of how a poor official married a girl he had blessed, which Dostoevsky resolves dramatically (if not tragically) in “Poor Folk”, is unfolded by Turgenev in “The Bachelor” differently – in a different modality and, as it were, less dramatic than his predecessor. Meanwhile, Dostoevsky’s text begins to “work” in a special way in Turgenev’s play, complicating its outward simplicity. From a simple anecdote about an official in love with a happy ending, it transforms into a complex dramatic story about the quirkiness of human happiness, about the mystery of love and gratitude, about poverty, which has not only social, but also moral coordinates. And without taking into account the eventfulness and problems of Dostoevsky’s “Poor Folk”, it would be difficult for Turgenev to achieve this. The article also points out the idea that the tactics of Turgenev’s work with the text of Dostoevsky’s novel in “The Bachelor” was not unique to him, but generally distinguished the poetics of his works of the 1840s and was the result of a conscious writer’s strategy.

Keywords: dramaturgy; Russian literature; Russian writers; literary creative activity; literary genres; novels; comedies; motifs; fiction texts

For citation: Belyaeva, I. A. (2022). “I’m as Poor as He”: The Motifs of the Early F. M. Dostoevsky in I. S. Turgenev’s Comedy “Bachelor”. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 2, pp. 9–18.

Вопрос о «творческом диалоге»¹ И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского применительно к началу их литературного пути в науке и критике поставлен давно [Виноградов 1959; Григорьев

¹ Научная метафора «творческий диалог» в отношении Тургенева и Достоевского закреплена в фундаментальном исследовании Н. Ф. Будановой [Буданова 1987], в котором фактически утвердился новый характер в изучении их взаимосвязей на разных этапах творчества, сменив исследовательскую парадигму, заданную в свое время Ю. А. Никольским, описывающую «историю одной вражды» двух писателей [Никольский 1921].

1967], но едва ли его можно назвать решенным. В большей степени исследовательские усилия были обращены к ситуации, возникшей вокруг знаменитой баденской ссоры двух писателей в 1867 году, к тем сочинениям, которые были написаны Тургеневым вслед за ней, т. е. собственно к его поздним текстам и к зрелым сочинениям Достоевского. Между тем взаимоотношения двух писателей в 1840-е годы, когда оба только вступали на литературное поприще, когда имя Достоевского уже успело стать одним из самых популярных среди молодых литераторов, а Тургенев едва ли еще определился со своим направлением, по крайней мере на момент публикации «Бедных людей» в 1846 году он более известен как поэт, – представляют большой интерес.

В настоящее время наиболее убедительной и утвердившейся в науке является точка зрения, представленная еще в работах Ап. А. Григорьева 1850-х годов, оценивающего Тургенева и Достоевского на ранних этапах их творчества как писателей близких, работающих в направлении сентиментального натурализма.

В первой статье Ап. А. Григорьева из цикла «Русская литература в 1851 году» (1852) критик не без возмущения писал, что в литературе 1840-х «явились Макар Алексеич Девушкин, господин Голядкин, господин Прохарчин, все эти герои зловонных, темных углов» и что «даже даровитый автор „Записок охотника“ заплатил дань этому несчастному направлению», которое представлял в те годы и Достоевский [Григорьев 1852: 67]. Позже, уже без явного упоминания Достоевского, но также уверенно, Ап. А. Григорьев причислит раннего Тургенева к школе сентиментального натурализма в известной своей работе «И. С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа „Дворянское гнездо“» (1859). «И вот у Тургенева, – пишет критик, – начинается <...> ряд попыток сентиментального натурализма» [Григорьев 1967: 250]. К числу удач писателя на этом поприще Ап. А. Григорьев относит

повесть «Петушков», а «самыми неудачными» считает «драмы „Холостяк“ и „Нахлебник“» [Григорьев 1967: 250]. По мысли Ап. А. Григорьева, вся «эта односторонняя, болезненная точка зрения» [Григорьев 1851: 67] плохо влияла на Тургенева. Если учесть, что в свое время Ап. А. Григорьев хотел писать отдельную статью «Ф. Достоевский и школа сентиментального натурализма», которую он, однако, не завершил, а в ряде других работ высказывал свою позицию о Достоевском как ведущем представителе этого направления, то становится очевидным, что Тургенев в начале своего творческого пути, по мысли критика, оказался под влиянием «школы», фактически вдохновляемой открытиями молодого Достоевского.

Этот тезис спустя почти сто лет убедительно развил В. В. Виноградов, объясняя ситуацию ученичества Тургенева в «школе молодого Достоевского» интересом Тургенева к стилистике разрабатываемого Достоевским сентиментального натурализма [см.: Виноградов 1859]. Ученый справедливо подчеркивал «характерное» именно для Тургенева «важное индивидуальное свойство», которое заключалось в его «острой и живой восприимчивости <...> к новым веяниям в сфере развития форм литературной поэтики и стилистики» [Виноградов 1859: 45]. Поэтому, несмотря на внешнюю ироничность, выраженную в том числе в бытовом поведении Тургенева и писателей его социального и литературного круга по отношению к Достоевскому в 1840-е годы¹, которая хорошо известна по мемуарным источникам, Тургенев как писатель был открыт для плодотворного ученичества и новых художественных решений. Думается, что это очень важный момент во взаимоотношениях двух литераторов. Он во многом определит их будущее равнодушие и внимание друг к другу, даже на этапе острейшего противостояния. Как верно отмечал Р. Г. Назиров, «вражда» Тургенева и Достоевского окажется на самом деле «творческим

¹ Здесь можно вспомнить хотя бы известное «Послание Белинского к Достоевскому», которое было написано Тургеневым совместно с Н. А. Некрасовым, начинавшееся словами «Витязь горестной фигуры...». Первые строки стихотворения, по словам Р. Г. Назирова, можно рассматривать как «перевод испанского „caballero de la trista figura“, что ныне переводится как „Рыцарь печального образа“, а это значит, что «Тургенев и Некрасов разжаловали своего недолгого приятеля из гениев в Дон Кихоты» [Назиров 2006: 170]. Однако в тургеневской системе координат уже с конца 1840-х годов, а может быть и раньше, начала складываться противоположная магистральной трактовке Дон Кихота как смешного чудака высокая интерпретация его комизма, что отражено в знаменитой речи «Гамлет и Дон Кихот».

взаимообменом», или «неустанным молчаливым **сотрудничеством**» [Назиров 2006: 188. Выделено автором. – И. Б.].

В последние годы, особенно на волне интереса к Тургеневу в рамках его 200-летнего юбилея, прозвучали идеи о том, что разговором о стилистике диалог двух писателей в 1840-е годы не ограничивался. Он уходил в антропологическую проблематику, в общий для обоих начинающих авторов интерес к человеку как к «тайне», когда, например, письмо оказывалось «актом преобразования героя», как это было в «Бедных людях» [Захаров 2018: 249]. И если считать, что «антропологическим принципом» в этом романе и в ряде других ранних текстов Достоевского оказывается «прием возвеличивания простого („маленького“) человека», то Тургенев был одним из немногих, кто, по мысли В. Н. Захарова, «понял этот „сюрприз“ в сюжете эпистолярного романа», «понял концепцию человека у Достоевского и по своему откликнулся на нее» [Захаров 2018: 249].

Думается, что уровнем для выявления «творческого диалога», или «творческого взаимодействия», Тургенева и Достоевского много больше. Интересные результаты в этой связи, применительно именно к 1840-м годам, могут давать своего рода точечные сопоставления отдельных текстов двух писателей, особенно в плане изучения сознательного припоминания известных в те годы сочинений Достоевского в произведениях Тургенева. Механизм использования таких, в основном узнаваемых читателями тех лет, отсылок к Достоевскому в текстах Тургенева заслуживает отдельного внимания. Так, особый интерес в этой связи представляет пьеса Тургенева «Холостяк» (1849)¹, в которой оказываются значимы переклички с «Бедными людьми» (1846) Достоевского.

Стоит отметить, что в ранних пьесах Тургенева исследователями выявлялись художественные элементы, восходящие к первому роману Достоевского. Например, образ Кузовкина из комедии «Нахлебник» (1848) и Мошкина из «Холостяка», как полагала Л. М. Лотман, были построены в соответствии с новым

принципом сочетания трагизма и комизма, который был открыт Достоевским в «Бедных людях». «На место гоголевского трагизма авторской мысли, скрытого за смехом, – пишет исследовательница, – он ставил трагизм объективного положения героя – „маленького человека“, образ которого традиционно воспринимается в комическом ключе, но который приобретает право на ранг трагического героя и по драматизму своей судьбы, и по содержанию своей личности» [Лотман 1982: 495]. И в целом, по мысли Л. М. Лотман, «ситуации романа Достоевского, восторженно и тонко истолкованные Белинским, открывали путь фантазии Тургенева» [Лотман 1982: 495].

В. В. Виноградов, напротив, считал, что в «Холостяке» в целом больше чувствуется гоголевское присутствие, и «только в образе Мошкина, самоотверженного старого чиновника, влюбленного без собственного ведома в свою воспитанницу и старающегося выдать ее замуж за своего протеже Вилицкого, обнаруживается влияние „Бедных людей“ Достоевского» [Виноградов 1859: 70].

Однако рамками образа Мошкина творческая рецепция молодым Тургеневым одного из самых ярких сочинений «натуральной школы» не ограничивается. Комедия Тургенева «Холостяк», без сомнения, писалась в целом под впечатлением от «Бедных людей» Достоевского, поэтому текст романа в принципе можно считать прецедентным для тургеневской комедии. Тургенев не только равнялся на него стилистически или гуманистически. Как писала Л. М. Лотман, Тургенев перенес в свою драматургию идею «гуманного заступничества за бедных людей, униженных и оскорбленных», которая была «особенно сильно выражена» в «Бедных людях» [Лотман 1882: 494]. Тактика Тургенева, вероятно, была более сложной и, возможно, не лишенной полемичности. Впрочем, это была именно творческая полемика, продуктивная как для самого Тургенева – «ученика» Достоевского на том этапе, – так и для русского сентиментально-натуралистического направления в целом. Однако и к полемической задаче у Тургенева все не сводится. Он так использует роман

¹ «Комедия в трех действиях», как определял жанр пьесы Тургенев, опубликована в «Отечественных записках» за 1849 год, № 9. Датирована следующим образом: начата – 28 января (9 февраля) 1849 года, завершена – в марте того же года, «через 40 дней», писалась в Париже [Тургенев 1979: 608].

Достоевского, что тот удивительным образом начинает работать на его пьесу.

Обращает на себя внимание тот факт, что в обоих сочинениях, в «Бедных людях» и в «Холостяке», разрабатывается схожий сюжет, но представлено разное разрешение основного конфликта и центральной сюжетной ситуации.

Как справедливо отмечал А. Г. Цейтлин, сюжет не просто о бедном, а о влюбленном бедном чиновнике был далеко не нов в русской литературе середины XIX века и встречался до Достоевского [см.: Цейтлин 1923]. Исследователь выделяет группу сочинений, куда включает повесть «Горев Николай Федорович» Е. П. Гребенки (1840), «Партикулярную пару» (1846) и «Ленточку» (1845) Я. П. Буткова и др., и отмечает, что Достоевский начинает разрабатывать этот сюжет как бы на излете интереса к нему [Цейтлин 1923: 13–19]. Достоевский меняет сюжет о бедном чиновнике. У него представлена не просто несчастная любовь бедного молодого чиновника к дочери начальника или к молодой соседке, как это было принято в такого рода историях, но речь идет, что принципиально, о герое немолодом (Девушкину 47 лет), и он отечески заботится о Вареньке, к которой испытывает симпатию, душевную привязанность и даже ревность. Вот этот «достоевский» вариант известного сюжета – о пожилом влюбленном в свою воспитанницу чиновнике – и был использован Тургеневым в «Холостяке».

Тургеневский Мошкин тоже не молод, ему 50 лет, он волею судьбы оказывается опекуном своей молодой соседки Маши, лишившейся родительницы, и втайне, как и Девушкин, он в Машу влюблен, только боится себе в этом признаться. Как и Девушкин, Мошкин оберегает и опекает свою воспитанницу (вариант ситуации благодеяния и покровительства в «Бедных людях»). В обоих случаях у героини есть (в пьесе Тургенева) или был (в романе Достоевского) вроде бы достойный жених: у Вареньки – студент Петр Покровский, у Маши – коллежский секретарь Петр Вилицкий. Но далее начинаются принципиальные

разночтения, которые тем не менее не отдаляют пьесу Тургенева от романа Достоевского, но невольно заставляют читателя (или зрителя) его припоминать.

Если история бедного студента Покровского завершается еще до основного развития событий в романе, то Вилицкий – жених Маши – именно в настоящем. И хотя в афише он охарактеризован как «нерешительный, слабый, самолюбивый человек» [Тургенев 1979: 174], его нельзя назвать бессердечным. Он, вероятно, одно время был влюблен в Машу, он многим в своей карьере обязан Мошкину и помнит об этом. Но свадьба Маши и Вилицкого тем не менее расстраивается. И если у Вареньки из «Бедных людей» есть претендент на ее руку – г-н Быков, уход к которому приравнивается к катастрофе, то у Маши ее свадьбу (возможно, что это событие стало бы также началом катастрофы для героини в будущем, если бы оно случилось) расстраивает довольно холодный и в сущности бесчестный г-н Фонк, своего рода вариант той функции, которую у Достоевского выполняет Быков. У Тургенева же функция Быкова как бы разделяется между двумя персонажами – Вилицким и Фонком. Далее: у обеих героинь есть свои родственницы-наставницы – тетки. В «Бедных людях» это Анна Федоровна, в «Холостяке» – Екатерина Савишна Пряжкина. Вторая – фигура менее зловещая, чем у Достоевского, и даже комическая¹. Но и у Тургенева отчасти, несмотря на приглушенность трагической роли тетушки, намечается мотив продажи племянницы. Вслед за историей о дружбе с генеральшей Бондоидиной, которая «зналась с первыми господами», следует признание Пряжкиной в том, что Маша ее в чем-то не послушалась, за то «теперь вот и плачется» [Тургенев 1979: 232]. Как следует далее из контекста, у Пряжкиной для Маши был подыскан жених. «Просто первый сорт – что в рот, то спасибо» [Тургенев 1979: 235], – говорит она о женихе. И здесь у читателя и зрителя возникала возможность домысливать ситуацию, в том числе и в ключе Достоевского.

¹ Чего стоит ее рассказ о том, как ее принимала генеральша Бондоидина: «...мы тоже, батюшка, с хорошими людьми водились – от чужих всякое уважение получали; а свои вот в грош меня теперь не ставят. Генеральша Бондоидина нас к себе принимала, Филипп Егорыч, и в особенности меня очень, можно сказать, жаловала. Бывало, я одна с ней, эдак, сижу в ее спальне, а она мне говорит: удивляюсь, мол, вам, говорит, Катерина Савишна, какой у вас во всем скуч. А Бондоидина, генеральша, с первыми господами зналась. Я, говорит, с вами очень приятно время провожу. И чаю мне подать велит – ей-богу-с» [Тургенев 1979: 232].

Однако заметим, что Тургенев все время не то чтобы упрощает трагические интонации Достоевского, он видит их просто более приглушенными и как бы драматическими внутренне, без внешнего мелодраматического эффекта. Так, история несостоявшейся любви студента Покровского и Вареньки у Достоевского, трагическая по своей сути, но не лишенная доли мелодраматизма, находит у Тургенева параллель в виде подколесинского варианта несостоявшегося замужества Вилицкого и Маши. Функцию «злого» персонажа, хищника и циника, выполняют соответственно Быков и Фонк, функцию сводни – тетушки.

Но самое интересное, конечно, это развитие основной линии: Девушкин – Варенька у Достоевского, Мошкин – Маша у Тургенева. Оба героя покровительствуют, благодетельствуют нуждающимся в их помощи молодым особам. В. Е. Ветловская прекрасно показала, что ситуация благодеяния у Достоевского питается его рефлексией по поводу социальных идей Фурье, в которых предполагалось, что «гармония интересов среди членов фаланги, их дружеские и любовные узы возникнут на основе взаимных выгод и услуг, благодеяния и благодарности» [Ветловская 1994: 227]. Наиболее показательной в этом плане, конечно, оказывается фигура Быкова, но вовлечен в нее и Девушкин. «Отношения между героями, их роман, – отмечает исследовательница, – так и начинаются: один любит, и благодетельствует, и дарит; другая принимает благодеяния и подарки (и тоже любит). Заметим, что эти отношения (при всей любви) – отношения неравенства; это хотя и любовная иерархия, но все равно иерархия», причем важно, что «Макар Алексеевич ни разу не отверг Варенькиного именованья – „благодетель“, оно его не коробит, оно его вполне устраивает (именно „друг“ и „благодетель“, „родственник“ и „покровитель“). Итак, любовная ситуация поворачивается в романе ситуацией благодеяния» [Ветловская 1988: 56. Курсив наш. – И. Б.].

Едва ли подобный социальный дискурс проблемы «любовь и благодарность» мы можем обнаружить в тургеневской пьесе. Скорее, в «Холостяке» Тургенев берет «достоевскую» ситуацию, но обыгрывает ее по-своему, не в фурьеристском контексте. Сам вопрос

о любви и благодарности его в принципе интересовал, и нельзя сказать, что в своей пьесе он его не затрагивает. Много позже Тургенев напишет на эту тему в миниатюре «Путь к любви». Это очень известное изречение, последние строки которого стали едва ли не крылатыми: «Все чувства могут привести к любви <...> исключая одного: благодарности. Благодарность – долг; всякий честный человек плотит свои долги... но любовь – не деньги» [Тургенев 1982: 185]. Здесь очевидно имеется в виду совсем иная система координат, конечно, не фурьеристская, а окрашенная личным переживанием и выраженная, как это часто бывает у Тургенева, бинарной оппозицией «благодарность vs любовь». И хотя миниатюра была написана в конце творческого пути писателя, в ней в большой мере сохраняется тот дискурс размышлений, что всегда был свойственен Тургеневу, в том числе и в ранние годы.

Вернемся к «Холостяку». Нужно сказать, что Тургенев довольно часто в своем творчестве в начале пути использовал узнаваемые ситуации и сюжетные линии, взятые им из других известных сочинений, причем читатель должен обязательно «обнаружить» первоисточник. Например, он подобным образом поступал с «Евгением Онегиным», когда поженил современных Онегина и Татьяну в своем «рассказе в стихах» «Параша» (1843) – вариации пушкинского «романа в стихах». Пушкин, что важно, не был объектом пародии, но становился частью идейно-событийной ткани тургеневского сочинения. А если говорить о драматургических текстах, то в них такой прием был для Тургенева едва ли не определяющим в 1840-е годы, причем в круг узнаваемых претекстов включался и Лермонтов (в «Где тонко, там и рвется»), и Гоголь (в «Безденежье»), и Пушкин (в «Нахлебнике»), и Бальзак (в пьесе «Месяц в деревне») [см.: Беляева 2015]. Мы убеждены, что «использованный Тургеневым жанрообразующий принцип комедии» основывается «на сюжетно-событийном коде и на нарушении читательских и зрительских ожиданий» [Беляева 2015: 12], потому что узнаваемая ситуация, как правило, разрешалась неожиданно и восходила к Пушкину. Пушкин тоже в «Повестях Белкина» опирался «на обще-

принятые литературные, романтические большей частью, сюжеты и схемы, смешивал разные темы и ассоциации, ведущие к ним», и «на этом фоне рождалась новая художественная реальность, которая не могла быть сведена только к травестированию прежних литературных форм», «эта реальность требовала от читателя особого сотворчества, основанного как на воспроизведении известного и знакомого, так и на понимании глубины новых и неожиданных сюжетных поворотов и развязок» [Беляева 2015: 12].

В случае с «Бедными людьми» и «Холостяком» мы можем также говорить не только и не столько о полемике Тургенева с Достоевским, или о травестировании, или же об ученичестве, сколько о форме поиска своей точки зрения, своего видения жизненной ситуации, разрабатываемой в литературе, с учетом ее иных реализаций, хорошо известных читателю. И даже о новаторстве в области драматургических форм, о чем Тургенев в 1840-е годы серьезно задумывался. Вероятно, имели место здесь и вопросы жанровой трансформации: роман «превращался» в комедию, как бы уплотнялся. Все это, с одной стороны, свидетельствовало о драматургическом потенциале «Бедных людей», а с другой – об эпической глубине «Холостяка», которая сочеталась с ярко выраженной сценичностью, что свойственна далеко не всем пьесам Тургенева. В целом многие его пьесы «эпичны», а повести и романы писателя во многом черпают из его же драматургии. Своеобразный процесс «сближения» эпической формы с драматургическими моделями мы наблюдаем и в «Холостяке». И подобное соединение, повторимся, дает неожиданный смысловой результат.

Что делает Тургенев с Мошкиным? Он сначала заставляет своего героя терпеть унижения от жениха и его приятеля, испытывать муки, боль за Машу, за ее доброе имя, а в результате тургеневский Мошкин сам женится на своей воспитаннице, вот как если бы Деушкин и Варенька Доброселова у Достоевского вдруг стали бы супругами. Причем этот счастливый, намеренно спрямленный финал в «Холостяке» – а Мошкин именно холостяк, он никогда не был женат – как-то не очень подходит для Тургенева, особенно если вспом-

нить, что большинство его персонажей или не доживают до свадьбы, или бегут незадолго до нее (они такие прирожденные холостяки). В этом высказывался своего рода комплекс Тургенева, который А. Л. Бем небезосновательно называл «боязнью счастья» [Бем 2001: 375]. А тут, как будто наперекор самому себе, Тургенев заставляет своего Мошкина как заклинание произносить слова: «А Маша будет счастлива... В этом я клянусь перед Богом! Слышите – вы свидетели. Она будет счастлива! Она будет счастлива!» [Тургенев 1979: 251]. И Мошкин женится на Маше, чтобы осчастливить себя и, как ему кажется, ее.

Между тем история, рассказанная Достоевским в «Бедных людях», с тем самым финалом, предполагающим пронзительное письмо Деушкина в пустоту – Варенька ведь его уже не получит, – читается в подтексте тургеневской пьесы. И тактика работы Тургенева с известными, узнаваемыми и обсуждаемыми текстами (например, с «Евгением Онегиным» – на протяжении практически всего творческого пути, как в ранние, так и в поздние годы) говорит в пользу определенной авторской стратегии. «Бедные люди» Достоевского должны быть не просто узнаны читателем, но они должны были составить трагическое эхо всей тургеневской якобы счастливой истории. Тургенев как будто подразумевает возможные варианты развития событий. И то, что для своей комедии он выбирает примирение противоречий, вовсе не означает, что они совершенно устранены или что они не могут разрешиться трагически. Так роман Достоевского, если можно сказать, работает на смысловую сложность, казалось бы, простенькой комедии о бедном чиновнике Мошкине, которым, как считал Ап. А. Григорьев, Тургенев «испортил» свою комедию «Холостяк» [Григорьев 1852: 67].

Наконец, мотив бедности – он тоже присутствует у Тургенева. И он сближает Вилицкого с Мошкиным, поскольку, как скажет о себе несостоявшийся жених Маши, «я так же беден, как он (имея в виду Мошкина. – И. Б.); я еще беднее его» [Тургенев 1979: 207]. Между тем бедность коллежского асессора Мошкина (всего чином выше гоголевского и достоевского титулярного советника) не рефлексирована самим героем в той степени, как

Девушкиным, не является она принципиальной и для окружающих. Скорее тут важен вопрос, к какому «обществу» он принадлежит, о чем, например, говорит расчетливый г-н Фонк, манипулирующий Вилицким. Фонк в понятие «общества» не включает достаток или богатство напрямую, а говорит об «образованности», «воспитании», об «образе жизни вообще...» [Тургенев 1979: 207]. Но за этим внешним равнодушием к материальным вопросам кроется тема бедности, и оттого, что она как бы завуалирована и разговор о ней вроде бы кажется неважным, она не перестает составлять мотив комедии, который корреспондирует с мотивом «простых людей» (вариация «бедных людей») и в целом включает пьесу Тургенева в круг социальных текстов 1840-х годов. «Мы люди простые, Петруша», – говорит Вилицкому Мошкин, – «но мы тебя любим от всей души» [Тургенев 1979: 219]. «Мы только любить тебя умеем от всего сердца», – признается он позже, и именно в «доброте сердечной», по его мнению, и заключается счастье [Тургенев 1979: 221].

Связанный с мотивом бедности мотив амбиции тоже присутствует у Тургенева – например в поучениях, которые дает Фонк Вилицкому. Фонк говорит о том, что «человек никогда не должен себя ронять» или «человек должен чувствовать уважение к самому себе, должен отдавать себе отчет во всех своих поступках» [Тургенев 1979: 206]. И здесь этот мотив обнаруживает, как и у Достоевского, далеко не только гуманистическую составляющую. Амбиция ведь есть одновременно и залог самостояния человека, и источник его саморазрушения. У Тургенева, однако, он реализован посредством персонажа, имеется в виду г-н Фонк, в устах которого размышления об амбиции звучат нарочито риторически, а потому менее сильно, чем в «Бедных людях».

Не менее одноплановым оказывается и тургеневский литератор Созомэнос, чем-то напоминающий Ратазиева, и даже отчасти Девушкина, начавший писать уже в половине жизни (ироническая отсылка к Данте), а до того «не подозревавший в себе литературного таланта» [Тургенев 1979: 203]. Он приехал в Петербург для «изучения мыловаренной промышленности – и вдруг начал сочинять» [Тур-

гнев 1979: 203]. Особенно все хвалят «слог» Созомэноса: «слог – превосходный» [Тургенев 1979: 202]. Видимо, тут есть и сложные иронические акценты, связанные с писательской амбицией героя Достоевского, с мотивом «формирующегося слога».

В целом мотив бедности, если учитывать его социальные координаты, в какой-то степени выглядит даже избыточным в пьесе Тургенева. Он, как отмечалось выше, может читаться в подтексте, но в итоге работает иначе, он далеко не главный, а скорее периферийный. Хотя, на наш взгляд, этот мотив является мощным связующим звеном комедии Тургенева с текстом Достоевского, он нужен в том числе для акцентуации «Бедных людей», чтобы зритель (или читатель, поскольку Тургенев свои комедии относил к разряду «пьес для чтения») их припоминал. Автор комедии очевидно не боялся, но даже рассчитывал на то, что общие черты с романом Достоевского в его «Холостяке» будут обнаружены, что этот текст будет работать в пьесе, расширять ее смысловые горизонты.

Если коснуться в двух словах вопроса о стилистическом сближении Тургенева с Достоевским, о котором справедливо писал В. В. Виноградов, то нельзя действительно не признать узнаваемости стилистики «Бедных людей» в пьесе Тургенева. Особенно это касается третьего акта, монолога Мошкина:

«Ты сама виновата... Вольно же тебе было пугнуть меня своим отъездом... Да и все, что ты мне натолковала о презрении там, о куске хлеба и прочее, – все это мне голову вскружило. Ведь из чего я бьюсь, Маша? Чего мне хочется? Мне хочется, чтоб тебя все уважали, как королеву; мне хочется доказать всем, всем, что руку твою получить – да это верх степени благополучия!.. Один дурак, мальчишка, отказался – от своего счастья отказался; а вот я, человек степенный, безукоризненный, как говорится, чиновник, и перед тобой на коленях; дескать, Марья Васильевна, удостоите. Вот что мне хочется всему миру доказать – ему тоже, Петру Ильичу то есть. Вот что пойми» [Тургенев 1979: 261–262].

Или:

«Я предлагаю тебе покой, тишину, уважение, приют – вот что я тебе предлагаю. Я человек честный, ты знаешь, Маша, ничем не за-

маранный; я буду тебя лелеять так же точно, как до сих пор лелеял. Отцом я тебе буду – вот что. А! тебя хотели бросить, обидеть: ты вот сирота беспомощная, приемыш; ты у чужих людей из милости на хлебах живешь – так нет же! Вот ты хозяйка, ты госпожа, ты барыня, а я... ширмы, понимаешь, ширмы, и больше ничего. Ну, что ты на это скажешь?..» [Тургенев 1979: 262].

Только вот как оценить эту явную близость речей Мошкина к стилистике писем Девушкина – как «школу», как овладение «специфическими качествами художественной манеры Ф. М. Достоевского» [Виноградов 1859: 71], на чем настаивал В. В. Виноградов, или как часть более сложной авторской стратегии Тургенева? Думается, что стилистические координаты пьесы также работали на узнавание и не были только усвоением новой манеры письма.

Итак, перед нами очень интересный опыт Тургенева-драматурга 1840-х годов, который он создает, можно сказать, в эпоху Достоевского, поскольку это было время его невероятной популярности и справедливо пристального внимания к нему критиков и коллег. В «Холостяке» Тургенев действительно работает в манере Достоевского, но полагаем, что его писательские задачи сложнее и даже, если так можно сказать, хитрее, чем это может показаться изначально. Тургенев не просто осва-

ивает художественную манеру Достоевского, но делает это с целью – он использует роман «Бедные люди» в качестве прецедентного текста, включает его в орбиту своих задач, создает полемический эффект и одновременно расширяет смысловые возможности своего текста. Условно говоря, «без Достоевского», без включения его первого романа в «сферу влияния» тургеневской комедии она выглядела бы проще, казалась незатейливым анекдотом – и все. Кстати, так ее и воспринимали некоторые критики. Например, Б. В. Варнеке, один из первых исследователей тургеневского театра, полагал, что «Холостяк» в случае плохой игры актеров может потерять «всю глубину своей художественной правды» и превратиться «в маловероятный анекдот про то, как вдруг сердобольный чиновник неожиданно для самого себя превратился в жениха своей воспитанницы» [Варнеке 1919: 21]. Но Достоевский спасает Тургенева! Параллели с сюжетикой «Бедных людей» составляют сложный нерв комедии, одновременно подчеркивают и промахи, и новую технику диалога со зрителем, на которую опирается молодой драматург. Тургенев превращает анекдот о бедном влюбленном чиновнике, который он берет «из Достоевского», в поле для психологических, гуманистических, антропологических и литературных экспериментов.

Литература

- Беляева, И. А. Комедия как основа драматургической системы И. С. Тургенева / И. А. Беляева // Спасский вестник. Вып. 23. – Тула : Гриф и К*, 2015. – С. 4–19.
- Бем, А. Л. Исследования. Письма о литературе / А. Л. Бем. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 448 с.
- Буданова, Н. Ф. Достоевский и Тургенев: Творческий диалог / Н. Ф. Буданова. – Л. : Наука, 1987. – 198 с.
- Варнеке, Б. В. Тургенев-драматург / Б. В. Варнеке // Венок Тургеневу. – Одесса : Книгоиздательство А. А. Ивасенко, 1919. – С. 1–24.
- Ветловская, В. Е. Религиозные идеи утопического социализма и молодой Ф. М. Достоевский / В. Е. Ветловская // Христианство и русская литература. Вып. 1. – СПб. : Наука, 1994. – С. 224–269.
- Ветловская, В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди» / В. Е. Ветловская. – Л. : Художественная литература, 1988. – 208 с.
- Виноградов, В. В. Тургенев и школа молодого Достоевского (конец 40-х годов XIX века) / В. В. Виноградов // Русская литература. – 1959. – № 2. – С. 45–71.
- Григорьев, Ап. А. Русская литература в 1851 году. Статья третья / Ап. А. Григорьев // Москвитянин. – 1852. – Т. 1. – С. 53–68.
- Григорьев, Ап. А. И. С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа «Дворянское гнездо» («Современник» 1859 г., № 1) / Ап. А. Григорьев // Григорьев Ап. А. Литературная критика. – М. : Художественная литература, 1967. – С. 240–366.
- Захаров, В. Н. Уроки Достоевского в «Записках охотника» Тургенева / В. Н. Захаров // И. С. Тургенев: текст и контекст : коллективная монография. – СПб. : Скрипториум, 2018. – С. 244–252.
- Лотман, Л. М. Драматургия И. С. Тургенева и натуральная школа 1840-х годов / Л. М. Лотман // История русской драматургии. XVII – первая половина XIX века. – Л. : Наука, 1982. – С. 474–513.
- Назирова, Р. Г. Вражда как сотрудничество / Р. Г. Назирова // Назирова Р. Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет : сборник статей. – Уфа : РИО БашГУ, 2005. – С. 169–188.

Никольский, Ю. А. Тургенев и Достоевский. (История одной вражды) / Ю. А. Никольский. – София : Российско-болгарское книгоиздательство, 1921. – 108 с.

Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 12 т. Т. 2 / И. С. Тургенев. – М. : Наука, 1979. – 704 с.

Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 12 т. Т. 10 / И. С. Тургенев. – М. : Наука, 1982. – 608 с.

Цейтлин, А. Г. Повести о бедном чиновнике Достоевского (к истории одного сюжета) / А. Г. Цейтлин. – М. : Типография Армянского Литературно-Художественного Кружка, 1923. – 64 с.

References

Belyaeva, I. A. (2015). Komediya kak osnova dramaturgicheskoi sistemy I. S. Turgeneva [Comedy as the Basis of I. S. Turgenev's Drama System]. In *Spasskii vestnik*. Issue 23. Tula, Grif i K*, pp. 59–70.

Bem, A. L. (2001). *Issledovaniya. Pis'ma o literature* [Research. Letters on Literature]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 448 p.

Budanova, N. F. (1987). *Dostoevskii i Turgenev: Tvorcheskii dialog* [Dostoevsky and Turgenev: Creative Dialogue]. Leningrad, Nauka. 198 p.

Grigor'ev, Ap. A. (1852). Russkaya literatura v 1851 godu. Stat'ya tret'ya [Russian Literature in 1851. Article Three]. In *Moskvityanin*. Vol. 1, pp. 53–68.

Grigor'ev, Ap. A. (1967). I. S. Turgenev i ego deyatel'nost'. Po povodu romana «Dvoryanskoe gnezdo» («Sovremennik» 1859, № 1) [I. S. Turgenev and His Activities. Regarding the Novel “The Noble Nest” (“Contemporary” 1859, No. 1)]. In Grigor'ev, Ap. A. *Literaturnaya kritika*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 240–366.

Lotman, L. M. (1982). Dramaturgiya I. S. Turgeneva i natural'naya shkola 1840-kh godov [I. S. Turgenev's Dramaturgy and the Natural School of the 1840s]. In *Istoriya russkoi dramaturgii. XVII – pervaya polovina XIX veka*. Leningrad, Nauka, pp. 474–513.

Nazirov, R. G. (2005). Vrazhda kak sotrudnichestvo [Enmity as Cooperation] In Nazirov, R. G. *Russkaya klassicheskaya literatura: sravnitel'no-istoricheskii podkhod. Issledovaniya raznykh let: sbornik statei*. Ufa, RIO BashGU, pp. 169–188.

Nikol'sky, Yu. A. (1921). *Turgenev i Dostoevskii. (Istoriya odnoi vrazhdy)* [Turgenev and Dostoevsky. (History of One Enmity)]. Sofia, Rossiisko-bolgarskoe knigoizdatel'stvo. 108 p.

Tseytlin, A. G. (1923). *Povesti o bednom chinovnike Dostoevskogo (k istorii odnogo syuzheta)* [Tales of a Poor Official of Dostoevsky (to the History of One Plot)]. Moscow. Tipografiya Armyanskogo Literaturno-Khudozhestvennogo Kruzhka. 64 p.

Turgenev, I. S. (1979). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 12 t.* [The Complete Set of Works and Letters, in 30 vols. Works, in 12 vols.]. Vol. 2. Moscow, Nauka. 704 p.

Turgenev, I. S. (1982). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 12 t.* [The Complete Set of Works and Letters, in 30 vols. Works, in 12 vols.]. Vol. 10. Moscow, Nauka. 608 p.

Varneke, B. V. (1919). Turgenev-dramaturg [Turgenev as a Playwright]. In *Venok Turgenevu*. Odessa, Knigoizdatel'stvo A. A. Ivasenko, pp. 1–24.

Vetlovskaya, V. E. (1988). *Roman F. M. Dostoevskogo «Bednye lyudi»* [F. M. Dostoevsky's Novel “Poor People”]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura. 208 p.

Vetlovskaya, V. E. (1994). Religioznye idei utopicheskogo socializma i molodoi F. M. Dostoevskii [Religious Ideas of Utopian Socialism and Young F. M. Dostoevsky]. In *Khristianstvo i russkaya literatura*. Issue 1. Saint Petersburg, Nauka, pp. 224–269.

Vinogradov, V. V. (1959). Turgenev i shkola molodogo Dostoevskogo (konets 40-kh godov XIX veka) [Turgenev and the School of Young Dostoevsky (Late 40s of the XIX Century)]. In *Russkaya literatura*. No. 2, pp. 45–71.

Zakharov, V. N. (2018). Uroki Dostoevskogo v «Zapiskakh okhotnika» Turgeneva [Dostoevsky's Lessons in Turgenev's “The Sportsman's Sketches”]. In I. S. *Turgenev: tekst i kontekst: kollektivnaya monografiya*. Saint Petersburg, Scriptorium, pp. 244–252.

Данные об авторе

Беляева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, Московский городской педагогический университет; профессор филологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Адрес: 129226, Россия, Москва, пр-д 2-й Сельскохозяйственный, 4, стр. 1.

E-mail: belyaeva-i@mail.ru.

Author's information

Belyaeva Irina Anatolievna – Doctor of Philology, Professor, Moscow City Pedagogical University; Professor of Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).